

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

К. Ф. Завершинский

Политическая легитимация
как источник социокультурной
динамики российского социума

Электронный ресурс

URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Zavershinsky.pdf>

Перепечатка с сайта Социологического
института РАН <http://www.si.ras.ru>

URL: <http://www.civisbook.ru>

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛЕГИТИМАЦИЯ КАК ИСТОЧНИК СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ РОССИЙСКОГО СОЦИУМА

Проблема легитимности политической элиты и власти за последние годы сместилась на периферию публичных дебатов о специфике социокультурной эволюции современной России. Это можно было бы считать семантическим индикатором роста социальной стабильности, «признанности» существующих институтов власти и «согласия» граждан с «обязывающими решениями» правящего класса, если бы не два обстоятельства — очевидного сужения институциональных возможностей влияния граждан на процесс реализации политических решений и сохраняющейся культурной аномией, пронизывающей все социальные пространства общества. При первом приближении характерные для современной России политические коды «единой России» нацеливают на организацию смыслового пространства социума. Социальные группы, позиционирующие себя как политические, экономические, культурные элиты современного российского общества, после почти двух десятилетий разрушительного «конфликта интерпретаций» достаточно единодушно публично осуждают «политику вражды», призывая к духовному и политическому единству нации, а их идейные оппоненты, «не укорененные в культурной почве», социально «минимизированы», вытеснены на периферию политико-культурных коммуникаций. Однако нельзя не заметить, что присутствие в публичной риторике смысловых акцентов на расширение пространства свободы личности и достижении идеалов правового состояния явно не побуждают «поданных», в том числе политическую бюрократию, к инновационной и ответственной деятельности. Социокультурные границы российского социума, как и в советские времена, предопределяются не столько конституционным порядком, основанным на стандартах прав человека, а практическими и ценностными схемами «распадающейся империи» (Филиппов 2007). Но насколько устойчив и продуктивен подобный дискурс легитимации власти для актуализации декларируемого политическими элитами тренда на социокультурные инновации?

Ответ на этот вопрос, по мнению автора тезисов, предполагает коррекцию доминирующего в обществоведении способов интерпретации смысла и содержания феномена политической легитимности. Безусловно, теоретические описания «наук об обществе» не могут стать непосредственным источником новой мотивации для принятия политических решений. Однако, научная артикуляция исторических и социальных границ социума, «раздвигает» рамки политической телеологии повседневности и догматики идеологических «соотнесений с практикой» (см., напр.: Рикер 2005: 118-119; Луман 1991: 203–204). Это особенно актуально для

информационных потоков «электронной эпохи», блокирующих попытки «политической» или иной «элитной приватизации» знания об обществе и стимулирующих критическую рефлексивность социальных агентов, представляя возможности для проверки и испытания «на универсальность» любой дискурс власти.

Можно констатировать, основной корпус научных работ, в которых анализируются проблемы политической легитимности, от которых отгалкиваются отечественные авторы, так или иначе, связан с интерпретацией или критической переработкой творческих интенций М. Вебера. (Особенно влиятельными оказались концептуализации веберовских идей в контексте их использования в рамках системного подхода к политике и политической власти. Бесспорны в этом отношении заслуги Д. Истона — см.: Easton, Dennis 1969; Easton 1979 — и С.М. Лирсета, который продолжил веберовскую традицию, определяя легитимность как качество системы поддерживать веру населения и социальных групп в то, что существующие политические институты наиболее соответствуют данному обществу, связывая легитимность прежде всего с ценностной динамикой развития социальных институтов — см.: Lipset 1981: 64.) Подобные когнитивные установки прослеживаются и в междисциплинарных версиях природы легитимности, когда они терминологически оформляются в понятиях «символы власти», «политический менталитет», «политическая мифология», «политические верования и символы» (довольно распространены при этом методологические редукции политической идентификации и легитимации к социально-психологическим оценочным структурам массовых политических мифов или групповым утопически-идеологическим конструкциям политических элит (напр., Edelman 1971: 54–56; 1977: 3–20), «доверие в политике» (исследование феномена культурной легитимации в такого рода работах осуществляется либо в контексте социально-философского анализа динамики «солидарностей», основанных на «безусловностях» веры и доверия — см.: Селигмен 2002 — или неoinституционализма, «сетового» подхода, нацеливающих на изучение «горизонтальных» взаимозависимостей — см.: Патнем 1996: 212–221). В более «современных» теоретических построениях предпринимаются попытки описания и выявления роли политической легитимации как специфического семантического конструкта в символических структурах власти (Zelditch), способа обоснования идентификации и самоидентификации правящих групп (Barker), рефлексивной процедуры обоснования политического обоснования, дифференциации доминирующих элит (Coicaud) (см.: Zelditch 2001: 33–53; Barker 2001: 28–29; Coicaud 2002). Однако, вне методологической коррекции подобные интерпретации политической легитимации принципиально не выходят за рамки веберовских научных интенций. Представляется значимым критическое замечание, высказанное относительно доминирующей в обществоведении общей логики теоретической интерпретации политической легитимности в

контексте веберовского наследия, которое ориентируют нас не столько на изучение смысла легитимности, а на исследование отношений между легитимностью и верой в нее (Beetham 1991: 11–13). В отечественном обществоведении подобные интерпретации нередко редуцируются к поиску «универсальных ценностных оснований» политической легитимности, что затеняет анализ кризисного потенциала дискурса легитимности, характерного для российских политических элит.

Не подвергая сомнению, возможность и необходимость нормативных или дескриптивных стратегий исследования легитимизирующей роли «социальных верований» и механизмов их воздействия на процесс становления гражданского общества, следует все же признать наиболее перспективной эпистемологию коммуникативного подхода, в рамках которого политическую легитимность можно представить как компонент специфического способа символического кодирования. (В трактовке коммуникативного процесса автор статьи руководствуется интеллектуальными интенциями теоретической социологии, представленными в концептуальных разработках Т. Парсонса, Ю. Хабермаса, Э. Гидденса, П. Бурдье, Н. Лумана. При подобном подходе коммуникация не редуцируется в своих основаниях к технологической и организационной стороне или таким отдельным процессуальным звеньям, как «сообщение» и «информация». Общество в этом теоретическом контексте предстает как система, конституирующая смысл, возникающий в процессе маркирования феноменов как событий, а определяющим звеном коммуникативного акта является процедура понимания — коммуникативного согласия.) В контексте подобных методологических установок успех социального конструирования новых, более сложных общественных институтов в значительной степени предопределяется символическим дизайном пространственно-временного континуума процедур политической легитимации. Легитимация как мотивация («оправдание», «обоснование») принимаемых политических решений является неотъемлемым компонентом коммуникативного процесса кодификации политической власти.

Принципиально значимым при этом является то, что говорить об инновационном характере «легитимности власти» можно только применительно к обществу, где начинают оформляться специфические социальные институты и культурная коммуникация — «гражданском обществе». Смысловые структуры политических коммуникаций в таком обществе начинают «тяготеть» к аксиоматике политической контрактности, что указывает на становление специфического кода политической власти — «оппортунистического» в терминологии Н. Лумана, «бинарного» или с «ненулевой суммой», в интерпретации Дж. Александера и Эйзенштадта) (см., напр.: Луман 2001; Alexander 2003; Eisenstadt 1999). Символические коды гражданского дискурса побуждают современные политики «к неустанному совершенствованию умения жить в условиях одновременно закрытых и открытых общностей, искать способы обращения конфликтов во бла-

го». Это породило перманентную динамику дискурса «взаимооправдания» (легитимации) институтов государства и гражданского общества (Ильин 1997: 167–169, 331–332). В сфере коммуникативных практик гражданского общества происходит закрепление инноваций посредством обобщения многообразных импульсов признания или непризнания властвующего режима, «путем предзаданного «раскачивания» между делегитимацией и легитимацией режима, которое не угрожает ни конституции, ни системе представительного правления. Легитимация стала *операциональным компонентом политического кодирования*, который посредством символических редукиций обеспечивает фиксацию смысловых предпочтений при бинарном кодировании властных коммуникаций, трансформируя политические решения в действия. Мотивация политических предпочтений происходит не благодаря некому «согласию», искореняющему хаос произвола, а процедуры «включения-исключения» принуждения, которое номинируется легитимным или нелегитимным (Луман 2005: 23). С этих позиций легитимность не является понятием с «известными значениями», а служит искоренению насилия и «нелегитимного» принуждения, государственного в частности, заменяя его обоснованием более «предпочтительного», приемлемого в конкретной ситуации — «легитимным». Политическая легитимация, характерная для культуры гражданского общества, стимулирует мотивационные схемы ограничения политических конфликтов и насильственных практик посредством конструирования и расширения переговорных практик. Семантические схемы мотивации, побуждения к политическим действиям оформляются в темпоральном, предметном и социальном горизонте коммуникаций. Для легитимации в гражданском обществе характерен приоритет символического конструирования в темпоральном *горизонте современности*.

Обозначенная методологическая стратегия позволяет менее стереотипно интерпретировать процессы, происходящие ныне в российском социуме и постсоветском пространстве. Их можно рассматривать не только в контексте ценностной схемы «демократических волн» или их «откатов», а как попытку социокультурного конструирования новых форм политической легитимации. Приведет ли этот процесс к оформлению «оппортунистических» кодов и символических структур «гражданской культуры» однозначно прогнозировать нельзя. Открытым при этом остается и вопрос насколько российские политические элиты готовы к подобной коммуникативной эволюции. В легитимирующих дискурсах современной политической элиты весьма отчетливо прослеживаются семантические схемы, блокирующие процесс эволюции гражданского состояния в гражданское общество с соответствующей социокультурной динамикой. Специфика государственного суверенитета весьма часто обосновывается в контексте семантической схемы «связи части с целым», сопровождающегося срывами в бюрократический произвол, мотивация «политического единства» стимулирует ксенофобии, а политическое время продолжает отсчитываться с

«назначения первого лица». Вместе с тем, процесс принятия политических решений с использованием современных медийных технологий и коммуникативных продуктов ставит политические элиты перед необходимостью усложнения коммуникации власти с обществом и «институционализации подданных» в качестве граждан. Достаточно очевидно, что коммуникативный эффект правящих элит в условиях глобальных социальных трансформации прямо зависит от их эффективности в использовании «символических ресурсов», символов и символических кодов политической легитимации, выступающих своего рода семантическими «катализаторами» социального конструирования современного общества.

- Ильин М.В. Слова и смыслы. М., 1997.
Луман Н. Власть. М. 2001.
Луман Н. Тавтология и парадокс в самоописаниях современного общества // СОЦИО-ЛОГОС. М., 1991.
Луман Н. Эволюция. М., 2005.
Патнем Р. Чтобы демократия сработала. М., 1996.
Рикер П. Справедливое. М., 2005.
Селигмен А. Проблема доверия. М., 2002.
Филиппов А.Ф. Российское государство сегодня правильнее всего было бы понимать как империю, находящуюся в состоянии распада. Экстратекст. Второй выпуск (часть 9). 2007. Август. Режим доступа: [http:// www.politstudies.ru/extratext](http://www.politstudies.ru/extratext)
Alexander J.C. The meanings of social life: a cultural sociology. N.Y., 2003.
Barker R. Legitimizing Identities. Cambridge. 2001.
Beetham D. The Legitimation of Power. Atlantic Highlands: Humanities Press International, INK. 1991.
Coicaud J.-M. Legitimacy and Politics. Cambridge, 2002.
Easton D. A framework for political analysis. Chicago; London: Univ. of Chicago Press, 1979.
Easton D., Dennis J. Children in political system. Origins of political legitimacy. NY, 1969.
Edelman M. Political Language: Words That Succeed and Policies That Fail. NY; L., 1977.
Edelman M. Politics as symbolic action / Ed. by the Institute for Research on Poverty. Chicago, 1971.
Eisenstadt S.N. Paradoxes of democracy. Washington, 1999.
Lipset S.M. Political Man. Expanded Edition. Baltimore: The Johns Hopkins Univ. Press. 1981.
Zelditch M. Theories of Legitimacy // Jost J.T., Major B. (eds.) The psychology of legitimacy: emerging perspectives on ideology, justice, and intergroup relations. U.K.: Cambridge; N.Y., 2001.